

Немирович-Данченко Василий Иванович

Болотные огни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Болотные огни / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 386 с.

ISBN 978-5-519-99057-8

ISBN 978-5-519-99057-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Платонъ Епифоновъ — котораго молодежь привилегированнаго заведенія, гдѣ онъ состоялъ «апельсинщикомъ», называла просто «Платошка - мошенникъ» — давно уже стоялъ у входа въ вокзалъ варшавской желѣзной дороги, озабоченно разглядывалъ подъѣзжавшихъ и, очевидно, ожидалъ кого-то... Худой и длинный рязанецъ, съ козлиною бородкой и острыми, бѣгавшими глазами, онъ надѣлъ, должно-быть, еще недавно сюртукъ. Ему давило подъ мышками, сукно коробомъ стояло на груди, воротникъ лѣзъ къ затылку, ершомъ подымая рѣдкіе волосы, рукава были коротки, и изъ-подъ нихъ нелѣпо торчали красныя, грубыя лапы, привыкшія возиться съ лоткомъ, но на сей разъ державшія — одна черныя перчатки, другая корзинку съ нѣсколькими апельсинами...

— Господину фонъ-барону!.. — послышалось около него. Платошка живо обернулся.

— Что это... въ законъ вступить, что-ли, собрался?.. Ишь какой сюртучекъ себѣ возвелъ!.. Не къ рылу, кажись... Поди, пятнадцать бумажекъ заплатилъ, а?

— Ладно... Ежели кто при капиталѣ, такъ даже въ генеральскомъ ланнасѣ можетъ!

И онъ поправилъ туго накрахмаленную манишку, вылѣзавшею изъ-подъ подбородка наружу.

Пріятель его былъ въ «спинжакѣ», сапоги на выпускъ и въ вышитой рубашкѣ.

— Ай провожать кого?..

— Баринокъ одипъ... окончимшій! Къ мамашѣ ихней ѣдетъ въ заграницы!

— Вексельки у тебя?

— Есть!..—взмахнулъ Платошка головой, не сообразивъ, что на ней сидитъ, точно воронье гнѣздо, шляпа. Она слетѣла прочь и покатила въ низъ по ступенямъ.

— У кого цилиндръ-самолетъ покупалъ?—насмѣшливо прищурился пріятель.

— Ну тебя...

— Мальчонко-то изъ вѣрныхъ?

— Какъ у себя въ карманѣ. Дама первый сортъ. Ея денъги въ дѣлахъ у Фрейгепа—слыхалъ?

— Еще-жъ бы, первый миллионщикъ, кто его не знаетъ?!

— Ну, вотъ! Фрейгепская контора за него и въ заведеніе платила, и ему выдавала на руки каждое первое число...

— Ишь ты... Везетъ тебѣ, Платонъ. Тыщонки на двѣ?

— На четыре съ хвостикомъ. Изъ-за двухъ-то и мараться не стоитъ!

— А далъ, поди, ста три—фонъ-баронъ ты этакій?—ткнулъ онъ его въ бокъ локтемъ.

— Около...

Платошка засмѣялся, засмѣялся и его пріятель.

— Потому, когда они распалягся—съ нихъ бери, что хочешь. Они счету не знаютъ. Дрожмя - дрожатъ... Ему бы денъги зацанать—а тамъ сейчасъ хвостъ по вѣтру, и въ летъ! Что-жъ намъ-то опущать... Свое счастье всякій ловить... Ему что сто, что тысячу — все едино: утромъ ничего не будетъ. Сами-то вѣдь не наживали... Имъ бы только дорваться!

— Тебѣ хорошо!—Поди-ка у насъ...

— У васъ что—кадетская голытьба! Пародъ чистый. Не заппешься. Казенные—все! Отъ родителей-то по три цѣлкача въ мѣсяцъ получаютъ да и то съ наставленіемъ: береги копѣечку!

— Точно что...

Платошка, какъ и его пріятель, принадлежалъ къ порядкомъ въ Петербургѣ людямъ, сколачивающимъ себѣ

большія состоянія, не справляясь съ десятию заповѣдями, и помнящихъ только—одиннадцатую: «не зѣвай». «Апельсинщикъ» при аристократическомъ учебномъ заведеніи—положеніе въ этомъ отношеніи вполне завидное. Это общій кредиторъ всѣхъ воспитанниковъ. Начиная съ мелкихъ долговъ, они втягиваются къ нему и въ большіе. За десятку считается сто, за сто подписываются обязательства на тысячу. Сроковъ не существуетъ. Въ опредѣленное время «апельсинщикъ» грозитъ «папенькой» или «дяденькой»,—кто у кого есть,—и сумма обязательства удваивается, утраивается, смотря по малодушію должника и жадности «апельсинщика». При выходѣ изъ заведенія, будущему сановнику отпущенныхъ ему родными суммъ обыкновенно не хватаетъ — тутъ подвертывается все тотъ-же Платошка, и старыя обязательства на клочкахъ бумаги, якобы написанныя «для памяти», замѣняются уже формальными векселями, впоследствии имѣющими хожденіе по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и по службѣ, на которой состоитъ молодой человекъ. Если и половина такихъ обязательствъ останется неуплаченою—Платошка все же въ громадномъ выигрышѣ. Пооперившись, онъ обыкновенно изъ пиджака облачается въ сюртукъ, изъ дешевыхъ газетокъ обучается «настоящимъ» словамъ и «образованному» разговору, и если не сошется, то становится крупнымъ дисконтеромъ, хозяиномъ мѣняльной лавки и, наконецъ, гласнымъ городской управы и «пріютскимъ» генераломъ. Платошка находился еще на половинѣ пути къ завѣтному рубжу.

— Сколько у тебя дутаго-то капиталу?

— Не считалъ!—небрежно отвѣтилъ онъ.—Авось Богъ дастъ, я недутымъ выйдетъ. У меня народъ вѣрный. Разъ только промахнулся!

— А что?

— Тыщей шесть пропало!

— Ну-ну!..

— Генеральскому сынку далъ... Ста четыре, положимъ, не больше... Ну, только онъ вышелъ—я къ нему. Смѣется.

«Хочешь, говорить, тыщу, и то тебѣ большой барышъ». — «Какъ тыщу, говорю, когда моихъ шесть за вами по бумагамъ значится». — «Ну, говорить, если не хочешь, у насъ съ тобой другой разговоръ будетъ». На утро бѣжить за мной околодочный. — «Собирайся, говорить, Платонъ». — «Куда?» — «Къ самому велѣно представить, чтобы къ часу въ наличности былъ». Что такое? — думаю — Какія такія дѣла? Ну, пошелъ. Первымъ дѣломъ тотъ: «ты Платонъ Епифоновъ будешь?» — «Я, вашество...» Хлопъ онъ мнѣ въ морду... «За что?» — спрашиваю. — Хлопъ въ другую... «Ты, говорить, у меня мошенничать, молодежь грабить?.. Я тебѣ покажу твои полныя права...» Потомъ оборачивается къ офицеру: «отправьте, говорить, этого самого мерзавца домой на родину, по этапу...»

— Вона!

— А ты думалъ, какъ—легкое мое дѣло?.. Я сейчасъ ему въ ноги... Смиловался. «Поѣзжай, говорить, къ такому-то и кончи съ нимъ. Чтобы я на тебя, подлеца, никакихъ жалобъ не слышалъ—а то только тебя и видали». Я опромостью къ генеральскому сыну. — «Помилуйте, говорю, за что же? За мое всегдашнее неоставленіе?» Смѣется... «Вчера я тебѣ предлагалъ тысячу—ты не хотѣлъ. Много довольно было съ тебя... А теперь—я только и заплачу, что долгъ и казенные проценты!» По шести-то въ годъ... Заплакалъ я даже... Ну, онъ, значитъ, посовѣстился—швырнулъ мнѣ, какъ хотѣлъ сначала, десять катенекъ и дверью хлопнулъ... Такъ вотъ, братъ, какіе и изъ ихнихъ свиньи бываютъ!

— Это они, что-ли, ѣдутъ?—указалъ ему товарищъ на приближавшуюся коляску, въ которой сидѣло четверо молодыхъ людей.

— Мои и есть .. Льва Станиславича провожаютъ!

И, снявъ шляпу, онъ еще издали началъ отвѣшивать поклоны.

— А, Платонка, и ты здѣсь!—засмѣялся молодой человекъ,—худой и блѣдный, съ красивыми но уже утомлен-

ными глазами и иѣжно очерченнымъ ртомъ, надъ которымъ только еще проступали бѣлесоватыя волосики.

— Помилуйте, Левъ Станиславичъ... Обязательно! Проводить васъ... Вотъ апельсиновъ на дорожку... Кушайте въ свое удовольствіе... Дай вамъ Богъ благополучно... во благовременіи...

— Ты, Смецкій, сколько ему долженъ?—улыбался одинъ изъ провожавшихъ.

— Право, не знаю... четыре съ чемъ - то... Мелочь какую-то!

Онъ картавилъ, растягивалъ слова и, очевидно, въ совершенствѣ уже усвоилъ себѣ устало-небрежный тонъ, почему-то считающійся имъ и ему подобными чрезвычайно изящнымъ.

— Молодецъ Платошка!—хлопнулъ того по плечу одинъ изъ провожавшихъ. — Кстати пріѣхалъ! Мы сейчасъ выпьемъ шампанскаго, а ты заплатишь. Тамъ припишемъ потомъ!

— Зачѣмъ же-съ, помилуйте!—обидѣлся тотъ. — Я и такъ могу!

— Полно, господа, довольно! У меня голова кружится...

— Ну, до Ниццы пройдетъ. Вѣдь у тебя мапан въ Ниццѣ?

— Да, тамъ!

— Ну, вотъ... Четверо сутокъ тебѣ остается трезвенной жизни...

— Такъ вы ужъ, Левъ Станиславичъ, пожалуйста, не забудьте, вкрадчиво зашепталъ Платошка. — Какъ, значитъ, мамашу увидите—сейчасъ въ ручку и про должокъ. Онъ на радостяхъ и разговаривать про такую мелочь не станутъ. Велятъ конторѣ заплатить... Вотъ тутъ я записалъ для памяти—на бумажкѣ... Ужъ вы возьмите... На первыхъ порахъ онъ мягкія, мамашин-то!

— Ахъ, ты мошенникъ-мошенникъ, Платошка!

— Помилуйте, молодые господа! Каждой твари ѣсть-пить требуется. У меня тоже не мало гъ долгахъ пропало!

— Ты чего такой мрачный сегодня?— обернулся Левъ Станиславовичъ къ одному изъ провожавшихъ его.

— Завидно!— откровенно признался тотъ.

— Чему это?

— Тебѣ завидно... богачъ, ѣдешь за границу... о тысячахъ говоришь, какъ о пустякахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, ты о деньгахъ серьезно никогда не думалъ. А я вотъ вмѣсто Ниццы — съ Вологду. У моего отца, кромѣ казеннаго жалованья, есть только одно: пять человѣкъ дѣтей. Ну, значитъ, и мнѣ сейчасъ же—въ лямку на службу...

— Пожалуйста, Вася,—расчувствовался Левъ Станиславовичъ:—если тебѣ когда-нибудь будетъ нужна заручка, или что-нибудь — прямо ко мнѣ... Слышишь?.. Смотри на мой карманъ, какъ на свой...

— Ну, довольно великодушничать! — рѣзко оборвалъ тотъ.—Пока еще мы товарищи, а черезъ годъ встретимся—и не узнаемъ другъ друга. Я, братъ, отлично понимаю... Разница положеній!.. Бери ка билетъ скорѣй...

— Платошка, возьми мнѣ билетъ прямого сообщенія до Вѣны!

Платошка кинулся къ кассѣ, купилъ билетъ, сдалъ багажъ Смецкаго и, весь потный, подбѣжалъ къ нему какъ разъ къ первому звонку.

— Вотъ, пожалуйста... билетъ и квитанція...

— Спасибо!

— Десяносто семь рублией за все-съ!

— Спасибо, спасибо...

— Деньги... Я вѣдь свои ..—торопился апельсинщикъ.

— Зачти къ тѣмъ, Платошка!

Кругомъ засмѣялись.

— Помилуйте, Левъ Станиславичъ! — обидѣлся тотъ.—Какъ же это возможно... Десяносто семь—вѣдь это въ оборотѣ сколько будетъ....

— Я тебѣ говорю—пріюбщи къ тѣмъ. Кажется, ясно?

— Что ужъ съ вами дѣлать!.. Тамъ всего четыре семьсотъ восемь. Такъ ужъ будемъ считать пять... Для круга, значитъ!

— У пего, у Платошки, своя ариѳметика!

— Потому и вамъ покойно, и мнѣ не обидно. И поминить легче!

— Ну, хорошо... Пустяки какіе-то... О двухстахъ рубляхъ и разговаривать нечего... Припиши—вотъ и все!

— Росписочку бы...

— Что же я на твоёмъ цилиндрѣ писать стану, что-ли?..

— Иѣтъ, карандашикомъ бы...

— Бумаги нѣтъ... — смѣялись кругомъ,—Развѣ на твоёмъ рукавѣ?

Платошка живо схватился за это и вытянулъ рукавичкѣ. Левъ Станиславовичъ, улыбаясь, написалъ карандашемъ: «взято еще у Платошки-мошенника двѣсти девяносто два рубля» и подписался...

— Довольно съ тебя?

— Кажись, довольно!.. Вотъ никогда не думалъ, чтобы моя рубашка трехъ катенокъ стоила!.. Счастливо оставаться, Левъ Станиславовичъ... Благополучной дорожки... Мамашу-то вы... на первыхъ порахъ... съ радости-то... За насъ неоставленье, значить!.. Онѣ черезъ контору Фрейгена живо могутъ. Только, значить, мнѣ переводѣ сдѣлать на пять сразу, для круга... Вотъ и все...

— Хорошо, хорошо... Прощай!

Понявъ, что роль его кончена, Платошка еще разъ взмахнулъ шляпой и отошелъ.

II.

Левъ Станиславовичъ Староградъ-Смечкій не безъ удовольствія вытягивался на мягкомъ диванѣ перваго класса, засыпая подъ монотонный шумъ поѣзда и только урывками, дремотно, то упоаясь въ радужное будущее, ласково встрѣчавшее его молодость, то вспоминая еще недавнія были прошлаго. «Въ самомъ дѣлѣ, отлично быть обеспеченнымъ, богатымъ», — мелькало у него въ головѣ:—

«другіе еще бейся, устранивайся, заботься, работай, а тутъ все готово. Вонъ блѣдный Вася Уструговъ: не угодно ли— въ Вологду, въ палату къ отцу... И служить-то, поди, все чудища у него... Небритое, зеленое, шаршавое... Начинай чуть не съ переписки, пока дадутъ что-нибудь... Ей Богу, отлично распорядилась мама, что приберегла для меня... Будетъ-ли у нея миллионъ?.. Не думаю... Иначе она бы отцу больше давала. Но все-таки тысячь тридцать-сорокъ въ годъ у нея есть... И, вѣрно, этотъ мошенникъ Фрейгенъ обманываетъ ее. Женщина, что она понимаетъ! Надо это все поправить и устроить, какъ слѣдуетъ—деньги въ хорошихъ рукахъ процентовъ десять должны приносить. А Фрейгенъ—жидъ, вѣдь, больше шести ей не дастъ. Я это все разужнаю и посоветую ей. Еще разорится онъ, и пропадетъ состояніе. Надо это все...» И онъ опять засыпалъ на нѣсколько минутъ.

Весенняя зелень по дорогѣ уже подернула мягкими тонами печальные пустыри. Только кое-гдѣ дымилась жалкіе поселки, да ослизлыя, чахлыя и сквозныя стояли недорубленные рощи. Рѣки струились тихо и спокойно. Все блѣдное и грустное разстиралось надъ болѣзненной понызью сѣверное небо. Всползали на него тучки, холодными слезами проливались на тоскуюющія деревни и уходили плакать дальше, къ еще болѣе холодному и омертвѣвшему полюсу. Надъ болотинами клубились туманы, мгла окутывала скучныя дали.

Левъ Станиславовичъ просыпался, равнодушно смотрѣлъ на это и опять зажмуривался, опуская голову на подушку.

«Скорѣ бы въ Ниццу!» — думалъ онъ про себя.— «Воображаю, какая у мама вишла, обстановка!.. Какое общество собирается у нея! Надо будетъ сойтись съ нимъ, поправиться. Это для карьеры очень важно... Тамъ можно завязать знакомства!.. На папа вѣдь рассчитывать нечего: онъ самъ около тетушки околачивается да живетъ на то, что ему посылаетъ мама черезъ Фрейгена... Въ самомъ дѣлѣ, удивительное существованіе ведетъ мой старикъ!.. А поди—сколько расшвырялъ денегъ въ мо-

лодости! Въ Петербургѣ о немъ до сихъ поръ легенды рассказываютъ. Знатокъ былъ—ни одной красивой женщины не пропустилъ... Немвродомъ его называли, «великимъ ловцемъ...»

Онъ нѣсколько остановился на воспоминаніяхъ объ отцѣ. Давно онъ его не видѣлъ,—но тотъ, какъ живой, стоялъ передъ нимъ: высокій красивый старикъ, съ нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ, но еще достаточно свѣжимъ для него. Впрочемъ, годы Станислава Александровича Староградъ-Смецкаго были всегда загадкою для окружающихъ. У него только лѣтъ пять показалась лысина. Бороду и усы онъ красилъ и такъ ловко оставлялъ нѣсколько сѣдинокъ, что никому и невдомекъ было объ этомъ. Лицо онъ мылъ особешнымъ составомъ, стягивавшимъ морщины. Глаза смотрѣли молодо и беззаботно. Массажъ и холодная вода поддерживали его бодрость, а корсетъ берегъ ему стройность, которою онъ нѣкогда славился. Онъ былъ пищикомъ, но настолько сохранялъ старыя заманки, такое достоинство было написано на его лицѣ, что никому не приходило въ голову поставить это въ упрекъ ему. Онъ жилъ на счетъ жены, уже пятнадцать лѣтъ выплачивавшей ему черезъ контору Фрейгена определенную пенсію. Эмилию Карловну Староградъ-Смецкую, содежавшую его такимъ образомъ, онъ насмѣшливо называлъ «вдовствующей королевой» и только изрѣдка позволялъ себѣ жаловаться на то, что она обижаетъ его... «Могла бы раскошелиться больше... Могла бы тысячи на двѣ въ годъ еще ампошировать меня. А то швырнула мнѣ три — и думаетъ, что этимъ все сдѣлано... Я самъ три милліона проѣлъ и на женщинъ спустилъ!» съ гордостью заканчивалъ онъ. Въ тяжелыя минуты—а такія съ нимъ случались часто—онъ пробовалъ грозить женѣ тѣмъ, что не пошлетъ ей паспорта, но она не удостоивала его отвѣтомъ, а вмѣсто нея являлся къ нему объясняться управлявшій московскою конторою Фрейгена—необыкновенно приличный и солидный пѣмецъ изъ обрусѣвшихъ.

— Это ваше письмо?..

— Да!

— Вы изволите грозить своей почтенной и уважаемой супругѣ невысылкою паспорта?

— Помилуйте, не могу же я, Староградъ-Смецкій, жить на какія-то три тысячи! Я три милліона самъ проѣлъ... Надо понимать это!..

— Очень жаль, что вы ихъ проѣли... Теперь они бы вамъ пригодились, — не стѣснялся управляющій. — Милліоны великое дѣло... Я собственно къ вамъ отъ моего патрона, Фрейгена.

— Такъ-съ... Я всегда уважалъ его. Это истинный финансовый геній! — И онъ дѣлалъ необычайно серьезное лицо.

Управляющій улыбался еще насмѣшливѣе.

— Ну, такъ болѣе видите ли, Станиславъ Александровичъ, этотъ финансовый геній приказалъ вамъ рѣшительно передать, что никакой вамъ прибавки не будетъ!

— Помилуйте, но мнѣ такъ невозможно. Это чертъ знаетъ что!

— Постарайтесь не выходить изъ бюджета!

— Ко мнѣ пристаеетъ Дюшаръ. Я ему, Богъ знаетъ, сколько времени не платилъ по счетамъ!

— Заказывайте платье не у Дюшара, а у Корпуса... Хотите, я вамъ порекомендую своего портного? Онъ дешевый!

Станиславъ Александровичъ, выпятивъ презрительно нижнюю губу, осматривалъ костюмъ управляющаго.

— У васъ подъ мышками морщитъ, и полы позади расходятся.

— Что-жъ! Наше дѣло съ вами стариковское...

— Ну, послушайте, потолкуемте дружески, — хлопалъ онъ искательно по колѣнкѣ невозмутимаго нѣмца. — Вы напичкайте ему, объясните, что такъ невозможно. Я вѣдь могу сдѣлать скандалъ... Ну, потребую жену черезъ посольство назадъ. У меня есть связи, друзья.. Мнѣ стоитъ только намекнуть!